

ли над собой государственную власть страны, где поселились», принципиально изменив суть своего политического статуса – договорные их обязательства теперь превратились в государственные обязанности[20].

Таким образом, в инкорпорации калмыков в состав России решающую роль сыграли два важнейших составляющих фактора: с одной стороны – стремление калмыцкого народа, обусловленное исторической необходимостью выбора постоянного места обитания, а также и сильного покровителя, с другой – заинтересованность Российского государства в расширении своей территории и в обеспечении безопасности на ней, активная деятельность его органов верховной и центральной власти в реализации этой политики путем проведения по отношению к некоторым народам адекватно выдержанной, мирной политики, с соблюдением взаимовыгодных интересов при агломерации их.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. История России с древнейших времен. Т. 11–12. М., 1991. Т. 12. Гл. 5. С. 559.
2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 66, 67; Пашков Б.Г. Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862 – 1917 гг. 2-е изд. М., 1997. С. 228.
3. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607 – 1636 гг.: сб. док. М., 1959. С. 28, 29.
4. Там же. С. 21.
5. Там же. С. 23.
6. Там же. С. 27, 34, 37–39.
7. Там же. С. 34, 35, 36.
8. Там же. С. 39.
9. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. V. История России с древнейших времен. Т. 9 – 10. М., 1990. Т. 9. Гл. 1. С. 16, 17; Гл. 5. С. 298.
10. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 37.
11. Материалы по истории русско-монгольских отношений. С. 44.
12. Там же. С. 55, 70 – 73.
13. Там же. С. 102–103, 106–108.
14. Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. С. 98.
15. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. V. Т. 10. Гл. 4. С. 596–615.
16. Кичиков М.Л. Указ. соч. С. 102.
17. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. Т. 11. Гл. 2. С. 86–90.
18. Там же. Т. 12. Гл. 5. С. 555–558.
19. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Павловича составленное. СПб., 1830. Собрание первое, с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. Т. 1: с 1649 по 1675 гг. С. 531–532. № 300.
20. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1929. Ч. 3/4. С. 5; Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 6: Специальные курсы. М., 1989. С. 307, 309.

ББК 63.3 (2) 46

МЕЖДОУСОБНАЯ БОРЬБА ОЙРАТОВ 1625 – 1630 гг. И ПЕРВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КАЛМЫКОВ В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ

В.Т. Тепкеев

Статья посвящена одному из переломных моментов в истории ойратов во второй половине 20-х годов XVII века. В результате междоусобной борьбы 1625 – 1630 годов ойратское общество раскололось на два враждебных лагеря, что привело к новому толчку миграции в западном направлении – в степи Северного Прикаспия.

Ключевые слова: XVII век, междоусобица, ойраты, Чокур, Байбагас, Далай-Батур.

The article is devoted to one of critical moments in history of the Oyrats in the second half of 20-th of the XVIIth century. As a result of war 1625–1630 Oyrat society cracked on two hostile camps, that resulted in the new shove of migration in a westward in steppe of Northern Caspian region.

Keywords: XVII century, internal struggles, Oyrats, Chokur, Baibagas, Dalai-Batur.

Долгое время в историографии превалировало мнение о том, что в авангарде продвижения ойратов на запад вдоль сибирских границ Московского государства находились торгуты Хо-Урлюка, вслед за которыми продвигались с улусами и дру-

гие ойратские тайши. Но при изучении новых материалов обнаруживается явное несоответствие подобному утверждению. Известно, что группа хошутских улусов братьев Чокура, Байбагаса и Чин-тайши в первой половине 1625 г. кочевала на

урочищах Улен Кабала и Чюдете от Уфы в 10, а от верховьев Эмбы – в 20 днях пути. Общая численность указанных хошутских улусов составляла свыше 30 тыс. калмыков [1]. Это дает основание говорить о продвижении в передовых рядах ойратской миграции на Запад именно хошутских улусов.

В вопросе идентификации личности Чокура (Чогура или Шукера) стоит внести ясность. Начиная с работ С.К. Богоявленского и И.Я. Златкина, долгое время он считался цоросским тайшой, сыном Хара-Хулы и братом Эрдени-Батура. Действительно, у цоросов, судя по генеалогическому древу, были одноименные братья Чокур и Байбагас. Но они были намного моложе, и в русских источниках впервые упоминаются примерно с конца 30-х гг. XVII в. В данном случае речь идет о хошутском тайше Чокуре (из рода Гурван эцкэ Галгас), выделявшимся своей предприимчивостью и энергией, что давало ему возможность играть заметную роль в ойратских делах. Впервые эту историческую ошибку отечественных исследователей, тщательно рассматривая монгольские родословные, обнаружила японская исследовательница Джунко Мияваки [2, с. 70-77]. Этот вывод подтвердили и новые материалы из русских источников. Именно хошутскому Чокуру, возвысившемуся на некоторое время, согласно Габан Шарабу, удавалось долгое время захватывать чужие улусы, тем самым вызывая к себе ненависть большинства ойратских тайшей [3].

Происходившие межойратские конфликты показывают, что причины их заключались в основном во внутрисемейных разборках. Примерно в конце весны – начале лета 1625 г. умирает Чин-тайша, не оставив после себя наследника. Чокур на правах родного брата самовольно присоединил к себе его улус численностью в 1 тыс. кибиток, «а брату своему Байбагишу воли не дал». Но последний, собрав значительное войско, силой присоединил к себе улус Чин-тайши [4]. Чокур и Чин по отцовской линии приходились Байбагасу троюродными братьями, в то время как по матери Ахай-хатун они все трое являлись единоутробными братьями [1, с. 75-76]. В результате борьбы за улус началось ожесточенное столкновение между Чокуром и Байбагасом, которое впоследствии привело к расколу не только среди хошутов, но и во всем ойратском обществе.

По сведениям казака Якуна Сарбашова в Тобольске в августе 1625 г., в хошутский конфликт с посреднической миссией вмешались дербетские тайши – братья Далай-Батур и Эрке-Елден. Они направились к хошутам с тысячей воинов и предложили компромиссный вариант решения спора: разделить улус Чин-тайши между Чокуром и Байбагасом (по 500 кибиток). Стремление к примирению хошутов было вызвано и сложной внешнеполитической ситуацией, «чтобы услыша

то мугальские люди, что меж колмыцкими тайшами война, не пришли на них войной». Этот конфликт временно даже приостановил переговорный процесс тайшей с русской администрацией в Сибири. Казахи в это время были втянуты в войну с бухарским ханом Имам-кули и не могли вмешаться в ойратские дела, наоборот, вынуждены были просить военной помощи у Далай-Батура. Дербетские тайши, отправив подобный вариант решения спора, предложили Байбагасу вернуть 500 кибиток Чокуру. Если же Байбагас склонялся к такому варианту и намеревался отправить брату другую половину улуса Чин-тайши, то Чокур наотрез отказался, посчитав себя обманутым. Он собрал вокруг себя своих сторонников (Мерген-Теменя, Куяна, Табытая и др.) и с 30-тысячным войском атаковал Байбагаса. Далай-Батур незадолго «ночью с вестью» предупредил Байбагаса о готовящемся нападении. Как отмечали очевидцы, в районе левого берега Иртыша, ниже Ямыш-озера, происходило вооруженное столкновение между противниками, в результате которого Байбагас потерял большое количество своих людей и имущества. Он, видимо, не ожидал в разгар переговорного процесса вероломного нападения брата, поскольку у него «людей было мало, все были в разъезде». На помощь своему старому соратнику Байбагасу выступил цоросский тайша Хара-Хула с 10 тыс. воинами. Мелкие тайши также разбились на две враждебные партии. Далай-Батур с дербетами занял выжидательную позицию: «хто из них, Чокур ли или Байбагиш, будет силен, х тому хочет и пристати». Многие очевидцы тех событий склонялись к общему мнению: «меж колмацкими тайши быть войне великой, и миру меж ими не бывать» [4, с. 138 – 140].

Татары и русские люди, побывавшие в калмыцких улусах, в своих показаниях по-разному интерпретировали результаты сражения. По словам одних, Байбагас и Хара-Хула были разбиты и бежали за Иртыш. По другим свидетельствам, победили Хара-Хула и Байбагас, а Чокур бежал за Каракум, где был разбит туркестанцами и удалился под уфимские волости. Русский пленник, бежавший из улуса Хо-Урлюка, сообщил иное: «Бьются Урлюк с Чокуром, идут великие бои». Основываясь на том, что Чокур, по показанию мирзы Алея, осенью 1625 г. кочевал совместно с Далай-Батуром и входил в число старших тайшей, а Хо-Урлюк удалился на север, где искал себе места для кочевков и вошел с этой целью в сношения с русскими властями, можно сделать вывод, что «партия» Чокура вышла из кровавой распри победительницей; но во время борьбы возникли уже недоразумения между Чокуром и Хо-Урлюком, последний был разбит и удалился на север под Тару [5, с. 63-64].

После столкновения сторонники Чокура перекочевали к верховьям реки Эмбы. Здесь они встрети-

ли улусы алтыульских татар мирз Салтаная и Шайнека, которые, не желая быть в русском подданстве, удалились из-под Астрахани. В начале 1626 г. к ним на Эмбу прибыли послы от дербетских тайшей Далай-Батура и Мангита с предложением мира и совместных военных действий против общих врагов. Дербеты кочевали в это время на Каракуме и Барсучьих песках в районе Арала [1, с. 294]. Видимо, здесь находились их зимние кочевья, а с весны они вновь поднимались вверх по Тургайской ложбине на летние пастбища ближе к сибирским городам.

Во время ойратской войны отношения с соседями складывались для калмыков в целом благоприятно. Но у группировки Чокура с казаками дела обстояли не особенно благополучно. В 1627 г. тайша Мерген-Темень с улусом в 10 тыс. человек расположился рядом с казахским ханом Ишимом и с ним «учинился в миру» [1, с. 301]. Здесь, скорее всего, имеется в виду количество воинов, поскольку в «Биографии Нейджи-тойна» есть упоминание о наличии у торгутского тайши Мерген-Теменя 10-тысячного войска [6]. Но Ишим с 10-тысячным войском внезапно совершает нападение на сторонников Чокура и «многих калмыцких людей побил и в полон поймал». Ташкентский правитель Турсун самоустранился от участия в войне с калмыками, за что и поплатился перед Ишимом своей жизнью. Мерген-Темень с остатками своих улусных людей бежал к реке Сырт (Сырдарья), и, согласно сведениям, «те калмыцкие люди лошадьми и животиною скудны». Военные неудачи вызвали у калмыков интерес к более слабому соседу. Часть калмыков выступала сторонниками того, «чтоб идти войною на нагайские улусы, а другая де половина их говорят, чтоб им на нагайские улусы войною не ходить» [1, с. 309].

Кочевавшие по Эмбе калмыки стали сговариваться с алтыульцами о совместном походе против астраханских ногаев. Алтыульские мирзы в это время окончательно рассорились с русскими властями, поскольку ограбили посланного к ним посла Якова Бухарова, а часть сопровождавших его стрельцов убили [5, с. 64-65]. Воспользовавшись вспыхнувшим конфликтом между ногаями и едисанами осенью 1628 г., алтыульский мирза Шейдяк срочно отправил на Эмбу к калмыкам предложение совместного набега против ногаев. 31 октября на рассвете молодые тайши во главе с Доржи и 2-тысячным отрядом калмыков и алтыульцев атаковали нагайские улусы бия Каная и нуреддина Мамбет-мирзы Кара-Келмаметева. Ногаи и охранявшие их стрельцы разбежались, а в погоню за калмыками из Астрахани никто не вышел [4, с. 149; 5, с. 65]. Слухи о намерении калмыков закрепиться в урочище Кондаки, считавшемся ими «исстари калмыцкими кочевными местами», вызвали панику среди ногаев. Астраханские воеводы ограничились лишь отправкой стрелецкого отряда

в нагайские улусы для их защиты [5, с. 65]. Очередная вспышка междоусобицы и усиливавшееся давление калмыков вынудили правящую нагайскую верхушку обратиться в Москву с прошением взять на себя управление Ордой [7].

По данным допроса двух плененных калмыками татар, одного из которых звали Зулейхан, известно, что после сражения 1625 г. Чокур с 10 тыс. своих людей бежал за Каракумы в Туркестан к местному хану (видимо, с Мерген-Теменем), а сын его Доржи со своими людьми остановился в верховьях Эмбы. После туркестанцы разбили улус Чокура, и тому пришлось бежать ближе к Сибири на урочище Карачав (в месяце пути от Уфы), а затем на урочище Каракул (в 10 днях от Уфы). Отсюда в 1627 г. Чокур пытался войти в контакт со своим братом Байбагасом, «чтоб им быть меж себя в дружбе и в совете». Байбагас пошел навстречу Чокуру и приказал брату присоединиться к нему. Но летом 1628 г. Чокур неожиданно прикочевывает к своему сыну на урочище Урачин в 15 днях от Эмбы. Доржи объединял вокруг себя таких же молодых тайшей, общая численность которых насчитывала примерно 4 тыс. улусных людей. Здесь они наладили отношения с алтыульскими мирзами, предоставившими калмыкам «угожие кочевные места и сайгачьи ловли». Другой пленник, алтыулец Мурзыгелдей, сообщал, что с Доржи в последнем набеге принимали участие 2 тыс. калмыков тайшей Мерген-Теменя, Батура, Ичена и 250 алтыульских татар мирз Солтаная, Мамая, Урака, Шамамета и Юсупа. Сбор их отрядов произошел в междуречье Яика и Эмбы. На Эмбе с Чокуром осталось примерно 3-4 тыс. калмыков, и тайша в указанное время не предпринимал активных действий, поскольку «боитца приходу на себя мунгальских калмык» [1, с. 312-314].

Значительно дополняют картину и сведения некоего Антона, русского выходца из калмыцкого плена, записанные в Астрахани в ноябре 1628 г. Жил он в хошутском улусе и был также невольным свидетелем событий 1625 г. У Байбагаса насчитывалось на тот момент более 20 тыс. улусных людей, а у Чокура – менее 20 тыс. человек. Оба брата до ссоры долгое время кочевали «меж себя неподалеку и были в совете». Неизвестно, в чью пользу закончилось сражение в 1625 г., но Чокур со своими сторонниками отошел к башкирам в Уфимский уезд. В 1626 г. Байбагас в результате военного похода разбил Чокура, и тому пришлось бежать в Среднюю Азию к низовьям реки Сырт. Весной 1628 г. в семье Чокура произошел раскол, приведший к уходу тайши от своей старшей жены Мазики. Женщина вместе с сыном Доржи и другими мелкими тайшами, в том числе и Бай-Батуром, с более чем тысячью своих людей откочевали на Эмбу. Летом младший брат Доржи, тайша Данашир, с 20 людьми отправился на Иртыш с

целью выяснить обстановку в ойратской среде, а именно отношение других тайшей к Чокуру, «нет ли на отца ево от ково воины». Перед набегом на ногайские улусы тайши Хандер, Дай-Батур и 10 других молодых тайшей с Солтанаем и 5 мирзами «учинили меж себя клятву и пошли на ногайские улусы войною заодин» [1, с. 315-316].

Чокур и его соратники в условиях постоянной военной угрозы со стороны монголов и казахов сознательно дистанцировались от общеойратских дел. Более того, они часто являлись виновниками нападений на ясачных людей Московского государства, с которым другие ойратские тайши в условиях продолжающейся войны с монголами пытались нормализовать отношения. По мнению С.К. Богоявленского, союзные тайши преследовали тех своих собратьев, которые отказывались принимать участие в общеойратских предприятиях, направленных к обеспечению безопасности всего ойратского общества [5, с. 66]. Это объясняет, почему союзные тайши начинают повсеместно преследовать Чокура и его людей, «чтоб ево однолично, где ни сойти да убить». Некоторые из тайшей, первоначально входившие в группировку Чокура, постепенно начали его покидать. Это видно на примере торгутского тайши Дайчина. Под давлением отца Хо-Урлюка и под угрозой быть уничтоженным он откочевал от Чокура, доводившегося ему тестем.

Летом 1628 г. группировка Чокура бежит за р. Ишим к верховьям Тобола, где совершает нападение на ясачных татар. Осенью она переходит на Эмбу. Чокур прислал в Астрахань татарина с просьбой принять его «под высокую царскую руку» и разрешить кочевать по Эмбе и Яику. Улусные люди Чокура боялись нападения хошутского тайши Гуши, у которого насчитывалось 20 тыс. воинов, а также казахского царевича Кучука Салтана, имевшего 10 тыс. воинов. У Чокура и его соратников в общей сложности насчитывалось 3-4 тыс. улусных людей, а непосредственно с Чокуром кочевало 400 человек. По другим данным, воинов у данной группировки насчитывалось 6 тыс., в том числе 800 с огнестрельным оружием [4, с. 145; 5, с. 65]. Цифры о численности калмыков, как видно из показаний свидетелей того времени, сильно разнятся. Все это объясняется стремительными передвижениями ойратских улусов по огромной территории, постоянными столкновениями с соседями и потерями людей.

Летом 1629 г. 300 человек из улуса Чокура совершили набег на Каратабынскую волость Уфимского уезда, в ходе которого было убито 14 башкиров, а 60 захвачено в плен. В Уфе местные власти ошибочно сочли, что набег совершили люди Далай-Батура. Уфимский воевода Иван Желябовский отправил в дербетские улусы, кочевавшие на Иртыше, посольство во главе с Артемием Гладышевым. Но в районе реки Ишим посольство было ограблено все

теми же людьми Чокура. Неизвестно, был ли в курсе событий сам Чокур и по его ли заданию были совершены эти акции, но ограбление русского посольства, направлявшегося к Далай-Батуру, считалось ничем иным, как оскорблением самого дербетского предводителя. Жесткий ответ союзных тайшей не заставил долго себя ждать. Выяснив на месте, что улусные люди Далай-Батура не имели никакого отношения к нападению на башкир, русские послы получили подарки и заверение в виде шерти от союзных тайшей: «быти под государевою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным». Осенью 1629 г. Далай-Батур и Гуши организовали карательную экспедицию против группировки Чокура и Мерген-Темня. Численность данной экспедиции, по сообщению послов, доходила до 40 тыс. Цифра эта вполне реальная, если учитывать, что у самого Далай-Батура имелось в наличии 16 тыс. воинов, а у его детей – 20 тыс. Также в коалицию входили хошуты Гуши и торгуты Хо-Урлюка. Участвовать в походе против Чокура выразили желание и цоросы, но Далай-Батур им отказал, заявив, что справится своими силами. Исключение было сделано только цоросскому тайше Сунгулу, свату Далай-Батура, чей улус располагался по соседству с Чокуром и который также находился с ним во враждебных отношениях. Предварительно союзники предупредили русскую сторону о своем намерении зимовать с войсками на реке Уил, заверив в возвращении всего башкирского полона, захваченного Чокуром [4, с. 149, 151-152].

Опасаясь прихода союзных калмыков, в начале 1630 г. группировка Чокура предусмотрительно перешла с Эмбы на Яик, где приняла участие в нападении на местных казаков. В мае 1630 г. самарский воевода Борис Салтыков сообщал в Москву, что яицкие казаки с семьями просят на житье в Самару из-за прихода калмыков. Небольшие казачьи городки по Яику, где в общей сложности располагались около 300 казаков, зимой 1629/30 гг. атаковали калмыки Чокура. На приступе многие из числа нападавших калмыков были убиты и ранены. Захваченные во время боя раненые калмыки сообщили, что у них война с «большими калмыками», а они пришли кочевать по Яику плоть до Волги с прицелом для захвата Большого Ногая. Позже все они умерли от ран. Во время осады людьми Чокура казачьих городков 22 апреля неожиданно с тыла им ударили союзные калмыки. Большинство людей Чокура и его соратников были уничтожены или пленены. Уцелевшие сторонники Чокура бежали вниз по Яику к морю, где в районе Соленого городка вновь вступили в бой с местными казаками. Калмыки при штурме использовали деревянные щиты и огнестрельное оружие, но, тем не менее, снова были разбиты. Казакам стало трудно жить на Яике, поскольку пришедшие калмыки расположились по обоим берегам реки, заняв дороги и разбив все учу-

ги. Часть яицких казаков морем вынужденно мигрировала на Волгу и Дон [8].

Довольно интересные сведения об этих событиях сохранились и в показаниях пленных ногаев Ештея и Деная. В Самаре они сообщили, что жили в улусе тайши Хандера. Чокур, Мерген-Темень и Хандер самостоятельно управляли своими улусами. Всего у них насчитывалось более 4 тыс. улусных людей. С осени 1629 г. по весну 1630 г. указанные трое тайшей кочевали по Яику до тех пор, пока сюда не пришли и не разгромили их Далай-Батур и Гуши с 10 тыс. воинов. Союзные тайши из-за Эмбы, с района урочища Барсучьи Копани, двинулись на Яик против Чокура до урочища Карадуван. Алтыульские татары во главе с Салтанаем бежали в район Ургенча. Денай узнал от пленных калмыков, что Хандер был казнен союзными калмыками, выкrojившими ремни с его спины, Чокур был убит в бою, а судьба Мерген-Теменя осталась не известной. Уцелевшие сторонники Чокура затаились на время в северной прибрежной части Каспия [8, л. 39-45].

Таким образом, видим, что первые поселения калмыков в степях Северного Прикаспия были прямым следствием междоусобной борьбы 1625 – 1630 гг. После разгрома группировки Чокура на Яике перед многими ойратскими тайшами открылись все преимущества нового для них региона: пересечение торговых магистралей, близость крупных рынков, слабость соседних тюркских племен, отдаленность от враждебных монголов Алтын-хана, относительно теплый зимний климат, богатые

биоресурсы и т.п. Район северо-восточного Прикаспия в качестве поселения серьезно рассматривал в 1629 - 1630 гг. и дербетский тайша Далай-Батур, чьи послы по данному вопросу вели с московским правительством довольно интенсивные переговоры, закончившиеся в результате провалом. Лишь после откочевки дербетов и хошутов на старые кочевья в Юго-Западной Сибири, в конце 1630 г. в Северном Прикаспии появляются торгутские улусы Хо-Урлюка и Дайчина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахстана в русских источниках. Алматы, 2005. С. 312.
2. Мияваки Дж. Калмыцкие тайши в начале XVII века // *Altaica IV*. М., 2000. С. 70–77.
3. Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // *Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники*. Элиста, 2003. С. 96.
4. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. М., 1959. С. 139.
5. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // *Исторические записки*. М., 1939. № 5. С. 48–102.
6. Пурбуева Ц.П. «Биография Нейджи-тойна» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск, 1984. С. 49.
7. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 407.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 36–39.

ББК 63.3 (2) 46

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЖУНГАРСКОГО СЪЕЗДА МОНГОЛЬСКИХ И ОЙРАТСКИХ КНЯЗЕЙ 1640 г.

В.П. Санчилов

В 1640 году монгольские и ойратские князья созвали в Джунгарии большой съезд и приняли кодекс феодального права, известный как «Великое уложение». Его ойратский текст сохранился только у волжских калмыков. Достоверные сведения о том, как готовился и как проходил съезд, отсутствуют. В данной статье говорится об историческом значении Джунгарского съезда с учетом политической обстановки в Центральной Азии накануне и после 1640 года. Собранные нами сведения позволяют установить место проведения съезда и обстоятельства принятия на нем «Великого уложения».

Ключевые слова: *история Монголии, монгольско-ойратский съезд 1640 г. в Джунгарии, «Великое уложение» 1640 г.*

It was in 1640 that the Mongolian and Oyrat princes held their assembly in Dzungaria and carried a feudal law code known as the “Great Law Code of 1640”. Its Oyrat version solely survived among the Kalmyks in the Low Volga region. There is no veracious information on how the assembly had been prepared and in what atmosphere it was proceeding. This article deals with the historic significance of the Mongol-Oirat assembly in Dzungaria taking into account the political situation in Inner Asia on the eve of 1640 and afterwards. Our accumulated knowledge permits us to ascertain the meeting-place of the assembly and the circumstances in which the Great Law Code of 1640 was accepted.

Keywords: *the history of Mongolia, the Mongol-Oyrat assembly of 1640 in Dzungaria, the “Great Law Code of 1640”.*